

Жорж Санд, знаменитая французская писательница XIX века, до сих пор остается властительницей женских душ, поколение за поколением открывающих романтический мир сильных страстей и личностей, созданных ею в романах. Рожденная для светской жизни, баронесса Аврора Дюдеван стала первой женщиной, бросившей вызов обществу своими жизнью и творчеством, заявив о праве женщин на любовь и свободу. Среди произведений Жорж Санд — романы «Индиана», «Консуэло», «Графиня Рудольштадт», «Она и он», «История моей жизни» и другие, которые стали популярными у многих поколений читателей.

«Валентина» и «Леоне Леони» — одни из лучших романов великой писательницы. И юная Валентина, и добрая нежная Жюльетта не жаждут роскоши, не поддаются тщеславию, но ищут самоотверженной беззаветной любви, ради которой готовы на все. Персонажи Жорж Санд пока не похожи на отважную и страстную Консуэло, героиню ее более позднего романа, но в их душе любовь уже побеждает страх и смирение, хотя пока они не в силах вырваться из плена людских предрассудков.

Валентина готова пожертвовать всем, искренне веря, что у избранника хватит мужества принять ее жертву. Жюльетта мечтает спасти возлюбленного от губительной страсти к игре, овладевшей им. Но принесет ли это счастье?..

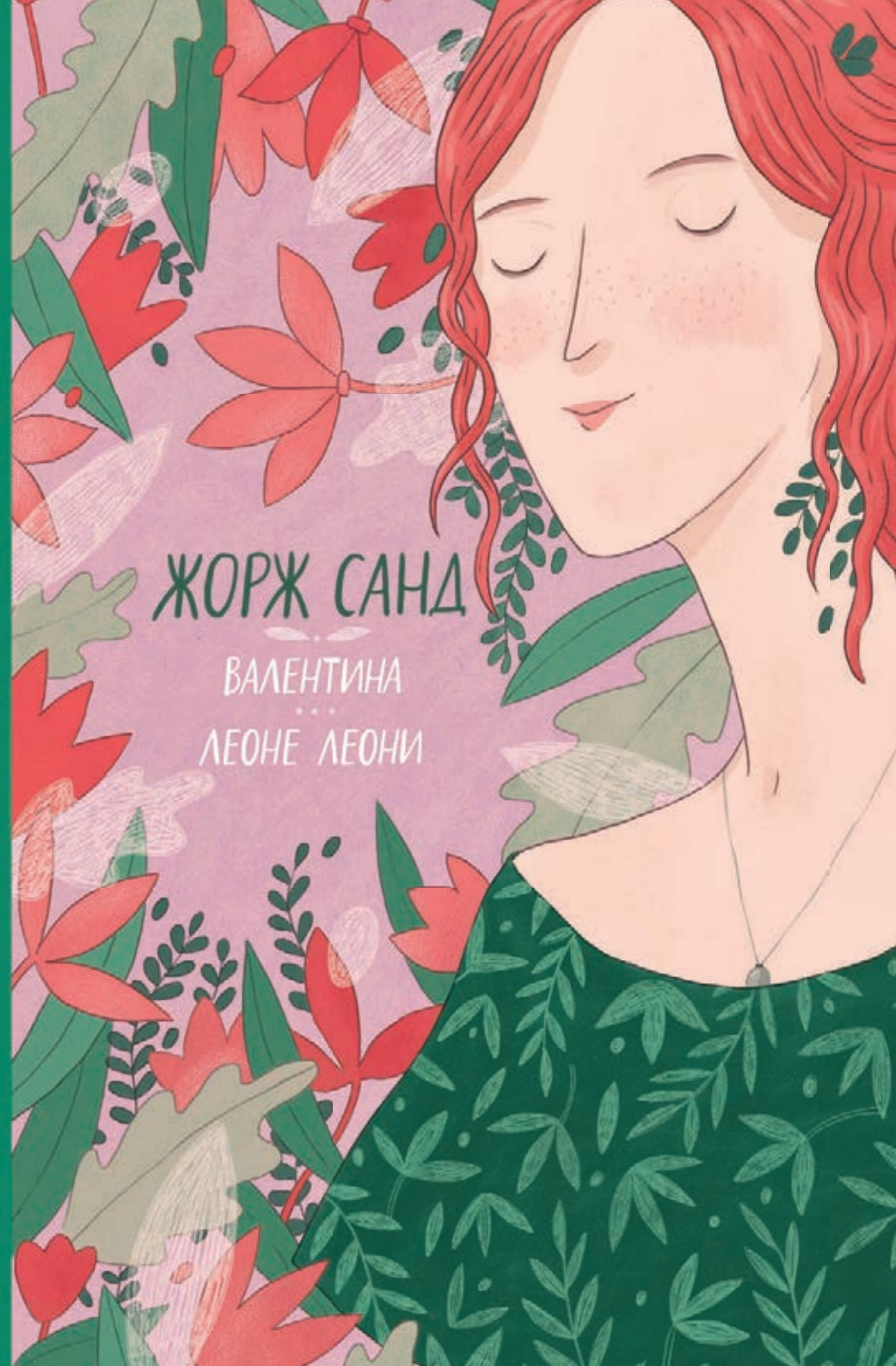
www.ksdbook.ru

www.bookclub.ua

ЖОРЖ САНД

ВАЛЕНТИНА. ЛЕОНЕ ЛЕОНИ

ЖОРЖ САНД

ВАЛЕНТИНА

ЛЕОНЕ ЛЕОНИ

Жорж Санд

George Sand

Valentine

...

Leone Leoni

Жорж Санд

*Валентина
...
Леоне Леони*

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)
С18

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

«Леоне Леони» печатается по изданию:
Санд Ж. Собрание сочинений : в 9 т. — Т. 2. — Л. :
Худож. литература, 1971
Перевод с французского А. Энгельке («Леоне Леони»)

Роман «Валентина» впервые опубликован
Librairie Blanchard Édition J. Hetzel
Librairie Marescq et Cie, Paris, 1832

Дизайнер обложки *Евгения Гайдамака*

ISBN 978-617-12-1702-7 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3772-3 (Россия)

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017
- © ООО «Книжный клуб "Клуб семейного досуга"», г. Белгород, 2017

The background of the entire page is a dense, repeating pattern of stylized, hand-drawn leaves and branches. The leaves are simple, pointed shapes, and the branches are thin lines with small circles representing buds or nodes. The pattern is scattered across the page, creating a decorative border around the central text.

Валентина

Предисловие автора

«Валентина» — мой второй роман, он опубликован после «Индианы», которая имела неожиданный успех. В 1832 году я вернулся в Берри, где большим удовольствием для меня стало описание природы, знакомой мне с детства. Еще в ту пору я чувствовал потребность описывать ее, но в силу странных закономерностей, свойственных глубинным движениям души, как раз то, что просится на бумагу, страшнее всего представить на суд читателя — и в плане нравственном, и как плод интеллектуальных усилий. Ничем не выдающийся уголок Берри, мало кому известная Черная долина, этот не поражающий воображение пейзаж, тем не менее дорог моему сердцу. Здесь освятились мои первые, ставшие неотступными, мечтания. Минуло двадцать два года с тех пор, как я жил под этими искалеченными деревьями, у этих ухабистых дорог, среди этого привольно разросшегося кустарника, вблизи ручейков, по берегам которых не страшатся бродить лишь дети да стада животных. Все это очаровывало только меня одного, так стоило ли открывать его взорам равнодушных? К чему срывать покров таинственности с этого неприметного края, где нет живописных, покоряющих раздольем ландшафтов, где не случилось великих исторических событий, которые могли бы привлечь сюда если не исследователей, то хотя бы любопытных? В каком-то смысле Черная долина — это я сам; так обрамление моей жизни нисколько не похоже на великолепное убранство и не создано для того, чтобы пленять взоры людей. Знай я, что мои произведения найдут такой отклик, думаю, я бережно, как святыню, хранил бы этот край, который до меня, быть может, никогда не привлекал ни помыслов художника, ни мечтаний поэта. Но я не знал

и даже не думал об этом. Я не мог не писать, и я писал. Я поддался тайным чарам, которыми был напоен родной воздух, обвевавший меня чуть не с колыбели. Описательная часть моего романа понравилась. Фабула же вызвала весьма резкую критику, в основном относительно пресловутой антиматримонильной доктрины, которую я, по всеобщему утверждению, начал проповедовать в «Индиане». И в первом, и во втором романе я показывал, какие опасности несут опрометчиво заключаемые браки. Критики вообще считают, что я, может и невольно, проповедую учение Сен-Симона¹. Однако я лишь начал задумываться над причинами социальных недугов. Я был слишком молод и умел только лишь видеть и запечатлевать факты. Возможно, этим бы я и ограничился, учитывая мою природную леность, если бы не любовь к внешнему миру, которая одновременно и счастье, и беда людей искусства. Однако же именно критика, пусть и чересчур прямолинейная, побудила меня задуматься и глубже вникнуть в первопричины явлений, меж тем как до сих пор я видел лишь их последствия. Но меня с таким ядовитым сарказмом осуждали за то, что я корчу из себя вольнодумца и философа, что в один прекрасный день я спросил себя: «А уж не предаться ли мне и в самом деле философии?»

Жорж Санд. Париж, 27 марта 1852 г.

---

¹ Сен-Симон Анри-Клод (1760—1825) — французский философ, один из основоположников утопического социализма.

Часть первая

На юго-востоке Берри есть места — всего несколько лье в окружности и ни с чем не сравнимого очарования. Их пересекает тракт Париж — Клермон, земли вдоль которого заселены, и вряд ли путешественник может заподозрить, что по соседству расположены красивейшие ландшафты. Но если путник, жаждущий тишины и сени, свернет на одну из многочисленных тропок, отходящих от тракта и прихотливо выющихся среди высоких холмов, то уже через несколько шагов он обнаружит прохладу и мирный пейзаж, светло-зеленые луга, меланхолические ручейки, купы ольхи и ясеня, словом — пленительную девственную природу пасторалей. И вряд ли ему удастся на протяжении многих лье увидеть каменный дом, крытый шифером. Разве что тоненькая струйка голубоватого дымка, дрожа и расплываясь в воздухе, поднимется над зелеными кронами, извещая о близости соломенной кровли. А если позади пригорка, густо поросшего орешником, он заметит шпиль церквушки, то через несколько шагов взору его откроется деревянная колоколенка с изъеденной мхом черепицей, десяток далеко отстоящих друг от друга домиков, окруженных плодовыми садами и конопляниками, ручей, через который переброшены три бревна вместо моста, кладбище — всего один квадратный арпан¹ земли, обнесенный живой изгородью, четыре вяза, посаженные в шахматном порядке, развалины башни. Словом, он обнаружит то, что в здешнем краю именуют селением.

Ничем не нарушаем покой этих глухих деревенок. Сюда еще не проникли ни роскошь, ни искусства, ни ученая страсть

---

¹ Арпан — старинная французская единица измерения длины, равная 180 парижским футам, то есть примерно 58,52 м.

к исканиям, ни сторукое чудище, именуемое промышленностью. Революции прошли здесь почти незамеченными, а последняя война, малоприметные следы которой хранит здешняя земля, была войной гугенотов с католиками. Впрочем, воспоминания о ней поблекли, выветрились из памяти людской, и на ваши расспросы местные жители ответят, что происходило все это по меньшей мере две тысячи лет назад. Главная добродетель сего племени хлебопашцев — полнейшее равнодушие ко всяким древностям. Смело обойдите этот край вдоль и поперек, молитесь его святым, пейте воду из его колодцев, нисколько не опасаясь выслушать неизбежные рассказы о феодальных временах или, на худой конец, легенды о местных чудотворцах. Степенный и замкнутый нрав крестьянина — одно из главных очарований этого края. Ничему он не удивляется, ничто его не привлекает. Он даже головы не повернет, когда вы вдруг возникнете перед ним на тропке, и, если вы спросите у него дорогу в город или на ферму, он вместо ответа хитро улыбнется, как бы говоря, что такими незатейливыми шуточками его не проведешь. Беррийский крестьянин не может поверить, что человек идет куда-то и сам не знает толком куда. Разве что его пес соблаговолит побрехать вам вслед, детишки попрячутся за изгородь, лишь бы не стать мишенью ваших взглядов или ваших расспросов, а самый крохотный, не поспевший за скрывающимися стремглав братьями, непременно шлепнется от страха в канаву и завопит во все горло. Но самым невозмутимым действующим лицом будет огромный белый вол, неизменный старейшина всех пастбищ: он оценивающе уставится на вас из зарослей, а за ним замрут его собратья быки, потревоженные вашим вторжением, не такие степенные и настроенные поэтому менее благожелательно.

За исключением этой первой прохладной встречи, к чужеземцу местный хлебопашец в общем добр и гостеприимен, как и здешние мирные рощицы, поля и благоуханные луга.

Местность, лежащая меж двух небольших речушек, примечательна густой растительностью мрачной окраски, за что и дано ей название Черная долина. Все ее немногочисленное население проживает в разбросанных по долине хижинах и на нескольких

доходных фермах. Наиболее крупная из них носит название Гранжнев, но и здесь все очень скромно и не выделяется на фоне столь же неприхотливого пейзажа. Ведет к ней кленовая аллея, и рядом с деревенскими хижинами протекает Эндр, который здесь не шире простого ручейка и тихо вьется среди камышей и желтых диких ирисов.

Первое мая у жителей Черной долины считается праздничным днем, и в таких случаях гуляние неизбежно. В дальнем конце долины, примерно в двух лье от центральной ее части, где и находится Гранжнев, устраивается деревенское гуляние, на которое, как положено, устремляется вся округа, начиная с супрефекта департамента и кончая красоткой швеей, еще с вечера наплоившей жабо его превосходительству; там можно увидеть и благородную владелицу замка, и последнего овчара (местное словечко!), чья коза да барашек живут за счет господских изгородей. Все это ест на лужайке, танцует на лужайке, с большим или меньшим аппетитом, с большим или меньшим пылом; все это сходится сюда, чтобы показать свою коляску или своего осла, кто в рогатом чепчике, кто в шляпке из итальянской соломки, кто в деревянных сабо, кто в туфельках из турецкого атласа, кто в шелковом платье, а кто и в юбке из холстины. Это счастливый день для местных красавиц, день нелицеприятного суда, оценки женской красоты, когда при безжалостном свете яркого солнца довольно сомнительным салонным прелестям приходится выдерживать нелегкое состязание со свежестью, здоровьем, сияющей молодостью сельских девиц. Ареопаг состоит из судей мужского пола различного положения и ранга, прения сторон происходят под звуки скрипки, в облаках пыли, под перекрестным огнем взглядов. Собравшиеся становятся свидетелями многих заслуженных триумфов, спрятанных обид, разрешения затянувшихся тяжб, и все это не лишено жеманства. День сельского праздника, первое мая, здесь, как и по всей Франции, — великий повод для тайного соперничества между дамами из соседнего городка и принарядившимися поселянками из Черной долины.

В этот день Гранжнев с самого раннего утра превратился в грозный арсенал наивных оболъщений. В просторной низкой

комнате, куда свет проникал в окна с частым переплетом, где стены были оклеены обоями ярких тонов, что никак не вязалось с почерневшими от копоти балками потолка, с массивными дубовыми дверями и неуклюжим ларем, совершалось некое действие. В этом скромно обставленном помещении, где довольно изящная современная мебель лишь подчеркивала классический деревенский стиль, господствовавший здесь со дня основания фермы, вертелась перед зеркалом в золоченой раме хорошенькая шестнадцатилетняя девушка, в последний раз поправляя свой скорее богатый, чем изящный туалет, и, казалось, даже тусклое зеркальное стекло нарочито клонится вперед, чтобы полюбоваться такой красотой. Но Атенаис, единственная наследница славного фермера, была так юна, так румяна, так радовала глаз своей прелестью, что казалась грациозной и естественной даже в этом чересчур пышном наряде. Пока она в десятый раз оправляла складки своего тюлевого платья, ее мать, присев перед дверью и засучив по локоть рукава, замешивала в бадье отруби с водой, а вокруг в благоговейном ожидании часа кормежки выстроилась рядами большая компания уток. Живой и игривый солнечный луч, проскользнув в открытую дверь, упал на разряженную румяную прелестную девицу, ничуть не похожую на свою дородную загорелую матушку, одетую в платье из грубой шерстяной ткани.

Из дальнего угла комнаты за Атенаис молча наблюдал юноша в черном костюме, небрежно развалившийся на кушетке. Но лицо его отнюдь не выражало той по-детски несдерживаемой радости, которая сквозила в каждом движении девушки. Время от времени еле заметная насмешливая и снисходительная улыбка трогала его тонкие нервные губы.

Господин Лери, или просто дядюшка Лери, как обычно и по сей день величали его крестьяне, кому он долгое время был равней и с кем приятельствовал, теперь мирно сидел в сторонке, грея обутые в белые чулки ноги у очага, где, по деревенскому обычаю, в любое время года жгли хворост. Этот почтенный, еще вполне бодрый отец семейства щеголял в полосатых штанах, жилете в цветочек, длинном сюртуке. Волосы его были заплетены в косичку — отголосок стародавнего кокетства, который посте-

пенно исчезает из употребления по всей Франции. Но Берри меньше прочих провинций пострадала от покушений цивилизации, и даже в наши дни верные косичке беррийцы, особенно из сословия землепашцев — полубуржуа-полудеревенщина, — не признают иной прически. В дни их юности косичка была попыткой приобщиться к аристократическим замашкам, и ныне они сочли бы себя униженными, лишись этой социальной привилегии. Дядюшка Лери стойко защищал свою косичку от атак насмешницы дочки и, будучи нежнейшим из отцов, выполнял любые капризы Атенаис, отказывая ей только в этом.

— Да ну же, матушка, — сказала Атенаис, поправляя золотую пряжку муарового пояса, — когда же ты кончишь кормить своих уток? Ведь ты еще не одета. Так мы никогда не выберемся.

— Терпение, дочка, терпение, — ответила тетушка Лери, раздававшая с похвальным прилежанием корм птице. — Пока будут запрягать Любимчика, я сто раз успею одеться. Да не столько же мне возиться, как тебе, дочка! Я, слава те господи, не молоденькая, да и в молодые годы не было у меня ни времени, ни денег принарядиться. Я по два часа перед зеркалом не вертелась!

— Что ж, вы меня упрекать решили? — надувшись, проговорила Атенаис.

— Нет, дочка, и не думаю, — возразила старуха. — Веселись, наряжайся, дитя мое, живем мы в достатке, пользуйся плодами родительских трудов. Нам, старикам, богатство уже ни к чему... А главное, когда привыкнешь к бедности, трудно отвыкать. За свои денежки я могла бы барыней сидеть, да нет, не выходит: все в доме должна своими собственными руками переделать... Но ты, дочка, веди себя как знатная дама, не зря мы тебе дали подходящее воспитание — такова была воля твоего батюшки. Тебе батрак неровня, и твой муж небось будет рад-радешенек, что возьмет такую белоручку.

Вычищая бадью, тетушка Лери продолжала разглагольствовать не так убедительно, как пылко, и под конец улыбнулась юноше, вернее, изобразила улыбку. Тот сделал вид, что ничего не замечает, а дядюшка Лери, созерцавший пряжки своих полуботинок в состоянии блаженного бездумия, столь милого

сердцу отдыхающего крестьянина, поднял слипающиеся глаза к своему будущему зятю, как бы желая порадоваться вместе с ним. Но будущий зять, стремясь уклониться от этой безмолвной учтивости, поднялся, прошел в другой конец комнаты и обратился к мадам Лери:

— Не пора ли запрягать лошадь?

— Иди, сынок, иди, пожалуй. Я вас не задержу, — ответила сладкоречивая старушка.

Племянник уже подошел к двери, как вдруг на пороге показалось новое, пятое действующее лицо, чей внешний облик и костюм резко отличались от внешности и нарядов обитателей фермы.

То была невысокая худенькая женщина, и на первый взгляд ей можно было дать лет двадцать пять. Однако тот, кто пригляделся бы к ней внимательнее, дал бы ей все тридцать, если не больше. Ее тонкая, туго стянутая талия была по-девичьи гибкой, но миловидное лицо благородных очертаний несло печать горя, которое старит сильнее, нежели годы. Небрежный наряд, гладкая прическа и отрешенность свидетельствовали о том, что она не собирается на праздник. Но в ее крохотных туфельках, в ее изящном и скромном сером платье, даже в белизне шеи, в размеренной, легкой походке чувствовалось больше аристократизма, чем во всех драгоценностях Атенаис. И тем не менее эту особу, внушавшую невольное уважение, при появлении которой все присутствующие оставили свои дела, обитатели фермы называли без церемоний мадемуазель Луиза.

Она ласково пожала руку тетушке Лери, поцеловала в лоб Атенаис и дружески улыбнулась юноше.

— Долгой ли, милая барышня, была ваша прогулка этим утром? — спросил дядюшка Лери.

— Нет, вы только угадайте, куда я осмелилась дойти! — отозвалась мадемуазель Луиза и, не чинясь, присела рядом со стариком.

— Неужели до замка? — быстро спросил племянник.

— До самого замка, Бенедикт, — подтвердила Луиза.

— Какая неосторожность! — воскликнула Атенаис и, перестав взбивать букли, с любопытством подошла к говорившей.

— Почему же, — возразила Луиза, — ведь вы сами говорили, что всех прежних слуг рассчитали, кроме старой кормилицы. А встретить я ее, она наверняка не выдала бы меня.

— Но ведь вы могли встретиться с самой мадам...

— Это в шесть-то часов утра? Да мадам раньше полудня не встает.

— Значит, вы поднялись до света? — спросил Бенедикт. — То-то мне показалось, будто я слышал, как открылась садовая калитка.

— Но мадемуазель всегда встает ранехонько, она у нас хлопотунья. А если бы она вам встретилась?

— Ах, как бы я этого хотела! — воскликнула Луиза. — Но я все равно не буду знать покоя, пока не увижу ее, пока не услышу ее голоса... Вы ведь ее знаете, Атенаис, скажите же мне — хороша ли она, добра ли, похожа ли на своего отца?..

— Она куда больше похожа на кое-кого другого, — ответила Атенаис, приглядываясь к Луизе, — а значит, и добрая, и красивая.

Лицо Бенедикта просветлело, и он с благодарностью взглянул на свою невесту.

— Послушайте меня, — продолжала Атенаис, обращаясь к Луизе, — если вам так уж хочется видеть мадемуазель Валентину, пойдемте с нами на праздник. Мы вас отведем к нашей кухне Симоне — это прямо на площади, и оттуда вы увидите дам из замка. Мадемуазель Валентина заверила меня, что они непременно будут.

— Но, милая моя Атенаис, это невозможно! — возразила Луиза. — Стоит мне сойти с двуколки, и все меня сразу узнают или догадаются, что это я. Впрочем, из всей семьи я хочу видеть лишь ее одну, а присутствие остальных только испортит мне настроение. Но хватит говорить о моих планах, давайте лучше поговорим о ваших, Атенаис; я вижу, вы намерены срывать всю округу своей свежестью и красотой!

Юная фермерша вспыхнула от удовольствия, бросилась на шею Луизы, и в этом порыве чувствовалась простодушная радость оттого, что ею любят.

— Сейчас пойду принесу шляпку, — сказала она. — Вы мне поможете ее надеть, хорошо?

И она быстро взбежала по деревянной лестнице на верхний этаж, где была ее спальня.

Тетушка Лери тем временем вышла в соседнюю комнату, чтобы переодеться, а ее супруг, взяв вилы, пошел на скотный двор — дать скотнику работу на день.

Оставшись наедине с Луизой, Бенедикт подошел к ней и произнес вполголоса:

— Вы тоже портите Атенаис. Ведь вы единственная, кто мог бы делать ей хоть изредка замечания, но вы не считаете нужным их делать...

— В чем же можно упрекнуть это бедное дитя? — удивленно спросила Луиза. — На вас не угодишь, Бенедикт.

— Все мне это говорят, в том числе и вы, мадемуазель, но вы могли бы понять, что нрав и нелепые причуды этой юной особы причиняют мне немало мук!

— Нелепые? — повторила Луиза. — Разве вы не влюблены в нее?

Бенедикт не ответил; он замолк, но после недолгого колебания заговорил снова:

— Согласитесь же, что сегодняшний ее туалет чересчур вычурный. Отправиться на сельский праздник в бальном платье, плясать на жаре, в пыли в шелковых туфельках, в кашемире и с перьями на шляпке! Я уже не говорю о совершенно неуместных в данном случае драгоценностях. На мой взгляд, это совсем дурной вкус. Девушка в ее годы должна превыше всего ценить простоту и уметь украсить себя каким-нибудь пустячком.

— Разве Атенаис виновата, что получила такое воспитание? Обращать внимание на подобные мелочи! Постарайтесь-ка понравиться ей, сумеете завладеть ее умом и сердцем. И тогда, можете не сомневаться, ваши желания станут для нее законом. Но вы постоянно оскорбляете ее, противоречите ей, ей — все-

общей любимице, ей — королеве в доме! Вспомните-ка, какое у нее доброе, чувствительное сердце...

— Сердце, сердце! Разумеется, у нее доброе сердце, но зато какой ограниченный ум! Доброта дана ей природой, доброта эта, если хотите, растительного происхождения. Так овощи, растут ли они хорошо или совсем не растут, сами не знают причины того. А до чего же мне неприятно ее кокетство! Придется вести ее под ручку, прогуливаться с ней взад и вперед перед всеми собравшимися на празднике, выслушивать дурацкие комплименты одних и столь же дурацкие насмешки других! Какая тоска! Как бы мне хотелось, чтобы мы уже вернулись с праздника!

— Что за поразительный характер! Бенедикт, я вас просто не понимаю. Любой другой на вашем месте гордился бы тем, что может показаться на людях с самой красивой девушкой в округе, с самой богатой невестой из местных, гордился бы тем, что возбуждает зависть двух десятков соперников, оставшихся с носом, что имеет право назвать ее своей нареченной. А вы, вы только критикуете ее мелкие недостатки, свойственные всем юным девицам такого происхождения, несмотря на полученное воспитание. Вы вменяете в вину Атенаис то, что она поддерживает тщеславные устремления родителей, на самом деле совершенно безобидные, и уж кому-кому, но не вам выказывать свое недовольство!

— Знаю, знаю, — живо отозвался юноша, — знаю, что вы мне скажете. Они не по обязанности и не принуждению дали мне все. Приютили меня, их племянника, сына такого же крестьянина, как они сами, но бедняка; усыновили меня, сироту неимущего, и, вместо того чтобы сделать из меня пахаря, к чему, казалось бы, я предназначен самым общественным устройством, — отравили на свои средства в Париж, дали мне возможность учиться, превратили в горожанина, в студента, в краснбая и, сверх всего, еще предназначили мне в жены свою дочь с богатым приданым, гордячку и красавицу. Они берегут ее для меня, предлагают в невесты! О, без сомнения, они очень меня полюбили, мои родичи, это люди простые и щедрые! Но любовь слепа, и все то добро, которое они желали мне сделать,

обратилось во зло... Будь проклято это вечное стремление метить выше, чем способен попасть!

Бенедикт в сердцах топнул ногой. Луиза посмотрела на него печально и строго.

— То ли вы говорили вчера, возвращаясь с охоты, благородному дворянину, человеку невежественному и ограниченному, который отрицал блага воспитания и желал бы воспрепятствовать продвижению низших слоев общества? Сколько разительных доводов вы нашли в защиту распространения света и свободы для всех, желающих расти и достичь чего-то! Меня удивляет и огорчает, Бенедикт, что ум ваш переменчив, нестоек, капризен, что вы стремитесь все проанализировать и обесценить. Я боюсь за вас, боюсь, как бы хорошие семена не стали плевелами, боюсь, как бы вы не поставили себя значительно ниже или значительно выше полученного вами воспитания, а и то и другое — немалая беда.

— Луиза, Луиза! — прерывающимся голосом произнес Бенедикт, схватив руку молодой женщины.

Он так пристально смотрел на нее увлажнившимися глазами, что Луиза покраснела и недовольно потупилась. Бенедикт выпустил ее руку и, хмурясь, нервно зашагал по комнате, потом подошел к Луизе, стараясь подавить волнение.

— Зато вы чересчур снисходительны, — заговорил он, — вы прожили на свете больше, чем я, но мне представляется, что вы моложе меня. Вы много пережили, и чувства ваши благородны и великодушны, но вы не научились читать в чужой душе, вы даже не подозреваете, какой она бывает подчас мелкой и уродливой, вы не придаете значения несовершенствам ближнего, возможно, просто их не видите! Ах, мадемуазель, мадемуазель! Слишком вы снисходительны, и слишком вы опасный наставник!..

— Вот уж странные упреки! — возразила Луиза с наигранной веселостью. — Но я ведь никого не пытаюсь воспитывать. Не твердила ли я вам десятки раз, что я столь же мало способна направлять других, как и самое себя? И это несмотря на то, что у меня жизненного опыта предостаточно.

Две слезинки скатились по щекам Луизы. Воцарилось молчание. Бенедикт подошел к молодой женщине и встал перед ней, взволнованный и трепещущий. Скрыв мимолетную грусть, Луиза заговорила:

— Вы правы, слишком долго я была поглощена собой и не научилась проникать в глубины чужой души. Целые годы я отдавала страданиям и неудачно распорядилась собственной жизнью.

Тут только Луиза заметила, что Бенедикт плачет. Испугавшись того, что юноша не справится со своими чувствами, она указала рукой на двор, где дядюшка Лери собственноручно закладывал в бричку здорового пуатевенского коня, и жестом послала Бенедикта ему на помощь, но юноша не понял ее.

— Луиза! — пылко произнес он. Потом снова повторил ее имя, чуть понизив голос. — Какое славное имя, — продолжал он, — какое простое, нежное, и его носите вы, а моя кузина, самой природой созданная для того, чтобы доить коров и пасти овец, зовется Атенаис! Есть у меня еще одна двоюродная сестрица, так той дали при крещении имя Зораида, а своего мальчика она нарекла Адемаром! Люди благородного происхождения правы, высмеивая наши причуды: они действительно невыносимы, разве не так? Взгляните-ка, вот прятка моей почтенной тетушки. Кто же наматает на нее шерсть, кто в отсутствие тетушки будет терпеливо вращать ее? Уж конечно не Атенаис! Она сочла бы для себя чуть ли не унижением даже прикоснуться к веретену; уметь делать что-то полезное в ее глазах почти что позор, ибо это может принизить ее, вернуть в то состояние, из какого она вышла. Нет, нет, она умеет, конечно, вышивать, играть на гитаре, рисовать цветы, танцевать, а вот вы, мадемуазель, вы умеете прятать, хотя и родились в роскоши, вы кротки, вы скромны, трудолюбивы... Слышите шаги? Сюда идет Атенаис. Не сомневаюсь, что, любуясь на себя в зеркале, она забыла обо всем на свете.

— Бенедикт! Идите же за шляпой! — крикнула с лестницы Атенаис.

— Идите же, — вполголоса проговорила Луиза, видя, что юноша даже не тронулся с места.

— Будь проклят этот праздник! — ответил он ей в тон. — Ладно, я поеду, но, высадив свою прелестную кузину на полянке, я скажу, что вывихнул ногу, и постараюсь вернуться на ферму... Вы будете здесь, мадемуазель Луиза?

— Нет, не буду, — сухо ответила она.

Бенедикт покраснел от досады и направился к двери. В эту минуту на пороге показалась тетушка Лери, одетая менее пышно, чем дочка, но, пожалуй, еще более несуразно. Атлас и кружева невыгодно подчеркивали медный оттенок ее кожи, опаленной солнцем, резкие черты и деревенские повадки. Добрых пятнадцать минут Атенаис сердито устраивалась в двуколке, упрекала мать, что та слишком широко расселась и помяла ей оборки, и в душе сокрушалась, что родители еще не настолько потеряли голову, чтобы купить коляску.

Дядюшка Лери положил шляпу себе на колени, опасаясь, как бы при дорожных толчках она не слетела ненароком с головы. Бенедикт взобрался на козлы и, взяв вожжи, осмелился в последний раз посмотреть на Луизу, но, встретив ее ответный взгляд, холодный и суровый, опустил глаза, закусил губу и злобно хлестнул лошадь. Любимчик сразу пустился галопом по дорожным ухабам, отчего двуколка отчаянно запрыгала по колеям, угрожая дамским шляпкам и усиливая досаду Атенаис.

Но уже через два десятка шагов лошадка, не созданная для скачки, умерила ход, гневная вспышка Бенедикта сменилась стыдом и раскаянием, а дядюшка Лери тем временем погрузился в глубокий сон.

Теперь они ехали по узенькой, поросшей травкой дорожке, именуемой на местном наречии стежкой, по дорожке столь узкой, что даже двуколка цеплялась боками за ветви росших по обочинам деревьев, и Атенаис ухитрилась нарвать большой букет боярышника, просунув ручку в белой перчатке сквозь боковое окошко их экипажа. Нет в человеческом языке таких слов, чтобы выразить всю свежесть и прелесть этих извилистых стежек,

капризно вьющихся под сплошным покровом листвы, где с каждым поворотом перед путником открывается новая, еще более таинственная глубь, более заманчивый и укромный уголок. Когда на лугах каждый стебель высокой, стоящей стеной травы опален полуденным зноем, а над лугами повисает неумолчное жужжание насекомых и перепел, укрывшийся в колее, призывает в любовном томлении подружку, — невольно кажется, будто прохлада и покой возможны только лишь на этих стежках. Можете шагать по ним час, другой — и не услышать иного звука, кроме шума крыльев дрозда, вспугнутого вашим появлением, или неспешных прыжков крохотной лягушки, зеленой и блестящей, как изумруд, за секунду до этого мирно дремавшей в люльке, сплетенной из травинки. Даже придорожная канава таит в себе целый мир живых существ, заросли разнообразных растений; ее прозрачные воды неслышно бегут по глинистому ложу, делающему их еще прозрачнее, и рассеянно ласкают растущие по берегам кресс, одуванчики и тростник. Здесь и фонтиналь — трава с длинными стеблями, именуемая водяными лентами, здесь и речной мох — лохматый, плакучий, беспрестанно подрагивающий в бесшумной круговерти; по песочку с лукаво-пугливым видом подпрыгивает трясогузка; ломонос и жимолость образуют тенистый свод, где соловей прячет свое гнездышко. По весне здесь все цветет, источая ароматы; осенью лиловые ягоды терновника плотно сидят на ветках, которые в апреле первыми оденутся в пышный белый наряд; красные ягоды, до которых так охочи певчие дрозды, приходят на смену цветам жимолости, а на кустах ежевики, рядом с клочками шерсти, оставленной проходившей мимо отарой, темнеют крохотные, приятные на вкус дикие ягоды.

Отпустив поводья, отдавшись на волю смирному рысаку, Бенедикт впал в глубокую задумчивость. Станный нрав был у этого юноши; поскольку невозможно было сравнить его с подобными ему молодыми людьми, окружающие не могли оценить его нрав и способности. Большинство презирало его как человека, не годного для полезного и серьезного дела. Если посторонние не выказывали юноше своего пренебрежения, то лишь потому, что вынуждены были признать за ним недюжинную

Содержание

Валентина.....5

...

Леоне Леони.....289

Літературно-художнє видання

САНД Жорж

Валентина. Леоне Леоні

Романи
(російською мовою)

Керівник проекту *З. О. Бакуменко*
Координатор проекту *І. Г. Веремій*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратілат*
Художній редактор *Т. О. Волошина*
Технічний редактор *І. О. Гнідая*
Коректор *Л. О. Шабельська*

Підписано до друку 18.11.2016. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 22,68. Наклад 10 000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а, E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

САНД Жорж

Валентина. Леоне Леоні

Романы

Руководитель проекта *З. А. Бакуменко*
Координатор проекта *И. Г. Веремей*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Художественный редактор *Т. О. Волошина*
Технический редактор *И. А. Гнедая*
Корректор *Л. О. Шабельская*

Подписано в печать 18.11.2016. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 22,68. Тираж 10 000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а, E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Народжена для світського життя аристократка Аврора Дюпен знехтувала всіма правилами, за якими жили її сучасниці, і стала славнозвісною Жорж Санд. Перші романи вона писала, щоб забезпечити себе в Парижі, куди втекла від чоловіка. Героїні її творів поки не в змозі вирватися з полону забобонів, але в їхніх душах любов перемагає страх і покору: аристократка Валентина («Валентина») віддає своє серце простому хлопцю в надії, що він зможе його втримати, а добра і горда Жюльєтта («Леоне Леони») вірить, що її всепереможна любов допоможе визволити коханого з полону темних пристрастей.

Санд Ж.

С18 Валентина. Леоне Леони : романи / Жорж Санд. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2017. — 432 с.

ISBN 978-617-12-1702-7 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3772-3 (Россия)

Рожденная для светской жизни аристократка Аврора Дюпен нарушила все правила, по которым жили ее современницы, и стала знаменитой Жорж Санд. Первые романы она писала, чтобы обеспечить себе самостоятельный доход в Париже, куда бежала от мужа. Героини ее произведений пока не в силах вырваться из плена предрассудков, но в их душах любовь побеждает страх и смирение: аристократка Валентина («Валентина») отдает свое сердце простому юноше в надежде, что он сумеет его удержать, а добрая и гордая Жюльєтта («Леоне Леони») верит, что ее всепобеждающая любовь поможет освободить возлюбленного из плена темных страстей.